

Нина Яковлева

Вольный сын эфира

Я иногда вспоминаю август 1991-го, так называемый митинг победителей после провала ГКЧП. На трибуне у Белого дома Борис Николаевич со товарищи, сотни тысяч людей скандируют: «Ель-цин! Ель-цин! Рос-си-я! Рос-си-я!»... Меня в те минуты пронзила мысль: «Ну вот, теперь, наверное, начнется, расцвет и наступит полное счастье». Почему этого не произошло?

Ирина Хакамада.

Русскому народу нужны идеи, от которых мороз по коже и мурашки вдоль позвоночника, ему нужно, чтобы адреналин забил фонтаном, как нефть из скважины, потому что адреналин — это нефть русской души. Кто добыл, тому они (и нефть, и душа) и достанутся.

«SEX в большой политике».

Путём всенародного голосования в 1991 году прекратил своё существование Союз Советских Социалистических Республик. В стране господствовала новая эпоха развития —

Перестройка.

Жизнь советского человека в период перестройки стала меняться до неузнаваемости. Необходимо было за короткий срок приспособиться к новым рыночным отношениям, психологически и морально перенести те «нововведения», видеть и ощущать на себе смену, подрыв устоев советского общества, Советского Союза как такового в котором люди прожили всю свою жизнь.

Крушение коммунистической системы вызвало взрыв сепаратистских тенденций в агонизировавшем Советском Союзе. Повторилась, только в еще более ярко выраженном варианте, ситуация 1917 года, когда крах центральных политических институтов, властных структур, господствовавшей идеологии привел к возникновению новых центров власти, формировавшихся на окраинах империи на националистической основе. Исчез политический институт, объединявший властные структуры СССР. Съезд народных депутатов СССР, формировавшийся преимущественно на базе того же номенклатурно-партийного механизма, не мог выполнить той цементирующей роли для Советского Союза, которую выполняла Коммунистическая партия: в отличие от нее съезд был лишь надстройкой, у которой не было рычагов

власти на местах. Не мог выполнить этой роли и Президент СССР, избранный все тем же съездом. К тому же оба властных института оказались полностью дискредитированными как ходом перестройки и бесконечными провалами во всех сферах жизни, так и конкретной политической ситуацией, связанной с путчем ГКЧП, продемонстрировав свою беспомощность либо сочувствие путчистам.

Новое время ознаменовалось серией громких заказных убийств и началась эта волна с расправы над священником. 9 сентября 1990 года был убит протоиерей Александр Мень — выдающийся проповедник, пользовавшийся особой любовью прихожан. К нему ехали со всей страны, его книжками зачитывались миллионы. Он крестил Солженицына, был духовником Галича... Вслед за Менем были убиты еще несколько священников — в декабре 1990-го, феврале 1991-го...

Напомним, в 90-х годах в России существовало более 2600 банд. По крайней мере 200 из них имели межрегиональные связи, несколько десятков активно взаимодействовали с криминальными структурами за пределами России. За один год (например 1995) банды совершили около 20000 преступлений, среди них 218 убийств, 785 вооруженных нападений и 1469 разбойных нападений. Только в Москве насчитывалось 20

крупных группировок, общие силы которых оценивались в 8000 бойцов.

Наиболее могущественными «славянскими» преступными сообществами, можно считать три московских группировки — измайловско-гольяновскую, коптевско-долгопрудненскую и солнцевскую, а также две подмосковные — подольскую и ногинско-балашихинскую. По-прежнему опасны казанцы, ореховцы, бауманцы, таганцы, мазуткинцы, ленинцы. Поднимают голову подмосковные бандформирования: пушкинцы, любера, одинцовцы, долгопрудненцы.

4 ноября 1991 года прозвучало и первое предложение Б. Ельцина объединить МВД и КГБ в единую структуру. 14 ноября 1991 года на своем очередном заседании Госсовет утвердил новую структуру союзного МВД. По этой структуре были ликвидированы излишние аппаратные звенья, сокращена численность личного состава. Парадоксально, но в результате этой реорганизации из МВД уволили известного всем специалиста по борьбе с организованной преступностью Александра Гурова. Его 6-е управление по борьбе с оргпреступностью превратили в оперативно-розыскное бюро и слили с другими управлениями в криминальную службу милиции.

Криминальная хроника

В начале 91-го года в Москве продолжалась война «славянских» группировок с чеченцами. 4 января у гостиницы «Байкал» в результате серьезной разборки были ранены ножами несколько чеченцев.

Сражение между неизвестными вспыхнуло во второй половине дня на Первой Брестской улице около кинотеатра. Как сообщили в ГУВД Москвы, сигнал о перестрелке поступил в дежурную часть в 17.27. Тотчас выехали наряды милиции и подразделение ОМОН. Но на поле боя они обнаружили лишь стреляные гильзы, патроны, боевую гранату и пятна крови. В 17.33 инспектор ГАИ с площади Маяковского, недалеко от места, где прозвучали выстрелы, передал, что мимо него на большой скорости пронеслись бежевые «Жигули» с теми, кого в милицейских сводках принято обозначать как «лица кавказской национальности». Проверка данных на подозрительную машину показала, что принадлежала она военнослужащему, но по доверенности ею пользуется его знакомый из города Грозного.

Странная находка

В 18.00 в районе площади Маяковского бомж по кличке Белый обнаружил неизвестного мужчину в неприлично голом виде рядом с припаркованным зелёным «Москвичом». Мужик был к тому же и без сознания, но от него не пахло алкоголем, следов уколов на теле не было. Крови на теле и на снегу тоже не было. Хотя только что на этом месте произошла стычка с «кавказцами».

Бомж Белый стал приводить в чувство незнакомца — нажимал на ушные раковины и бил по щекам. Потом стал растирать коченеющее тело. Хотя результатов пока не наблюдалось, Белый не оставлял свою неблагодарную работу по оживлению мертвеца. После всех реанимационных процедур «покойник» стал подавать признаки жизни. Он открыл глаза и произнёс фразу на незнакомом языке. Белый стянул с себя ватник и подштанники, облачил в них незнакомца. Потом взвалил себе на плечи подкидыша и потащил в сторону жилого массива. На все эти манипуляции с оживлением и перемещением тела никто из прохожих и граждан из мимо проезжавших машин не обращал никакого внимания.

Наконец, Белый притащил свою находку в подвал, где бомж устроил себе ночлежку. Там он внимательно разглядел незнакомца. Бросалась в

глаза излишняя худоба, мужчина был настолько костляв, что все рёбра можно было пересчитать. Но лицо выдавало человека ухоженного, не отягощённого заботами о поисках хлеба насущного. Найдёныш был высокого роста, как и сам Белый. Хотя бомж отличался тем, что был ширококостен и широкоплеч. Кличку Белый он получил от своих сотоварищей за иссиня-белую кожу и необычайно белую шевелюру. Как на самом деле звали бомжа — не знал никто.

Пришелец из прошлого

Незадолго до упомянутых событий, в июне 1989 произошло необычное происшествие в городе Воронеже. В центре города появился странный молодой человек, одетый по моде шестидесятых годов с фотоаппаратом «Ленинград» (1954 года выпуска). Молодой мужчина озирался по сторонам, как будто не понимая где он находится. К нему подошёл постовой милиционер, чтобы попросить показать документы. Документы у Ивана Игнатюка были с собой, по ним значилось, что молодому человеку 27 лет, он является студентом воронежского технологического института. Но проставленные даты в этих документах ввели в шок проверяющего. Парень родился в 1935 году. А дата поступления в институт — 1961 год. Постовой не

был идиотом и попросил мужчину пройти в ближайшее отделение милиции, которое находилось в двух шагах от места обнаружения странного субъекта.

В отделении милиции дежурный милиционер Семёнов Н.А. составил протокол задержания гражданина Игнатюка И.М. по причине наличия поддельных документов, датируемых 1962 годом.

На вопросы дежурного о причине пребывания задержанного в городе Воронеже, гражданин Игнатюк И.М. отвечал, что занимался поисками своего дома, расположенного по адресу: ул Озёрная, 9. Хотя задержанный утверждал, что по этому адресу он проживал в частном одноэтажном доме, на самом деле по указанному адресу значился пятиэтажный дом, построенный в семидесятые годы. Гражданин Игнатюк И.М. утверждал, что он проживал в этом доме со своей сестрой и матерью в 1962 году. Задержанный также настаивал на том, чтобы его направили к врачу для подтверждения его адекватности.

Через час задержанный Игнатюк был сопровождён в психиатрический диспансер, оттуда переведён в частную клинику доктора Звягинцева. На приёме у врача-психиатра молодой человек, попавший в затруднительную ситуацию, поведал необычную историю своего появления в 1989 году. Он рассказал, что недалеко от своего дома увидел

необычный летающий объект, не напоминающий не один из известных транспортных средств, созданных на период до 1962 года, где пребывал в тот момент Игнатюк. После того, как парень сфотографировал НЛО, произошло какое-то затмение в голове и Игнатюк оказался в 1989 году. Причём молодой человек не знает, что же с ним произошло после сделанной фотографии.

Так как у молодого человека с собой оказался фотоаппарат марки «Ленинград», психиатр попросил изъять плёнку и произвести распечатку тех фотографий, которые успел сделать Иван Игнатюк.

Пришлось пригласить пенсионера-фотографа, который знал все тонкости фотографии прошлых лет. Он использовал именно те реактивы, которые были необходимы для получения фотографий с плёнки шестидесятых годов. На отпечатанных фотографиях был узнаваем сам хозяин фотоаппарата «Ленинград», была запечатлена незнакомая девушка и многоэтажный дом с зависшим неопознанным летательным аппаратом. По поводу этих фотографий Игнатюк составил письменный комментарий, в котором он указал, что кроме него на плёнке есть снимок его невесты Морозовой Инны Андреевны, на последнем фото-тот странный аппарат, который Иван сначала увидел из окна своего дома, вышел, чтобы сфотографировать и неожиданно появился в

будущем времени.

Иван Игнатюк был помещён в одиночную палату частной клиники города Воронежа, которая была охраняема и оборудована телекамерами, расположенными как снаружи, так и внутри клиники. Несмотря на это, на следующее утро Игнатюк И.М. бесследно исчез. Охранники, сидевшие у мониторов, ничего не видели. Результат просмотра плёнок всех действующих телекамер тоже был отрицательным-пациент исчез, не оставив никаких следов. Был вызван наряд милиции в медицинский центр. Осмотр палаты, где находился Игнатюк был тщательно произведён на предмет подкопа, нарушения целостности железной решётки, закрывающей снаружи небольшое пуленепробиваемое стекло. Но в результате обыска не было обнаружено никаких повреждений, дающих возможность пациенту убежать из палаты клиники.

Директор психиатрической клиники доктор Андрей Николаевич Звягинцев счёл своим долгом ознакомиться с материалами беседы с исчезнувшим пациентом. На основании полученного материала, психиатр попросил поднять в городском архиве дело Игнатюка И.М...Оказалось, что такой человек реально существовал и все имеющиеся у пациента частной клиники документы совпадали с документами человека из прошлого, дата в дату. По

архивным данным Игнатюк Иван внезапно исчез в 1962 году на два месяца. Его разыскивали родственники-мать и сестра. Они подали заявление на розыск пропавшего. Поиск пропавшего ничего не дал, Игнатюк не был найден ни силами милиции, ни силами граждан города Воронежа, организовавшими поиск Ивана Игнатюка.

Но пропавший неожиданно появился недалеко от своего дома через два месяца. По рассказам очевидцев, Иван шёл по двору своего дома, как будто с ним ничего не произошло. Но соседи сразу отреагировали и вызвали милицию. На допросе в отделении милиции Игнатюк объяснял, что ничего не помнит, но чувствует себя хорошо. Иван Игнатюк прошёл обследование в неврологическом отделении воронежской областной больницы и вышел оттуда с диагнозом-совершенно здоров. Но через 2 года Игнатюк И.М. исчез навсегда.

Король свалок

Проведя ночь у постели неизвестного мужчины, бомж Белый стал замечать небольшие изменения в состоянии своего пациента. Это говорило о том, что найдёныш имеет шанс на жизнь, несмотря на то что лежал голышом на обледенелой земле в двадцатиградусный мороз.

Когда в подвал стал пробиваться свет

начинающегося дня, найденный мужчина неожиданно сел. Начал ощупывать себя руками, потом как-то дико оглядываться. Бомж решил успокоить человека, заговорил с ним:

— Ты парень молодец! Ты с того света, можно сказать, вернулся! Давай что ли знакомиться. Меня Белый зовут. А ты как будешь зваться?

— Нихт фирштейн.

— Так ты у нас оказывается немец! То-то я посмотрю, ты на нашего не очень и похож. Ведь я немецкий в школе учил. Сейчас что-нибудь и вспомню!

После этого Белый стал объясняться со своим найдёнышем на ужасно жутком немецком, но незнакомец стал прислушиваться к речи бомжа:

— Я ведь ещё поупражнялся в разговорной речи, когда на свалке жил. Там со мной один немец проживал. Он попал в ужасную передрыгу. Немчура, когда приехал к нам в Советский Союз, думал, что мы уже более культурными стали, ведь мы освободились от ига коммунизма. На самом деле мы попали под иго бандитизма! Так этот немец гулял по Москве без всякого сопровождения, да ещё и поздним вечером. На него напали, избили и отобрали все документы и деньги. Немец опять не врубился, что он не у себя на родине, пошёл жаловаться в милицию. Там потребовали документы, а их нет! Его продержали в обезьяннике

и вышвырнули на улицу. Так он тоже стал бомжом. Мы вместе кормились отходами с помоек. Но я тебе скажу, что никакие это были не отходы. А были там хорошие продукты, которые какие-то предприниматели выбрасывали коробками, ящиками. А знаешь почему? На них наехали бандиты, сказали-плати! Они не могут или не хотят платить, а торговать им больше нельзя, убьют, вот и сваливают всё своё добро на помойку! А народ голодает! Жуткие очереди в магазинах за самым необходимым. Но я что-то разговорился, а мы ещё и не знакомы! Как меня зовут я уже сказал. А как тебя?

Мужчина не ответил, зато бомж не растерялся: «Ты не обижайся, но можно я тебя Колянком буду звать. Ты очень похож на моего кореша, так его Колянком звали, нет его больше с нами. А ты вот появился — как будто заново родился мой товарищ!»

Белый ненадолго задумался, потом решил заговорить с незнакомцем:

— Ты на немца не очень-то и похож. Я тебя немцем не буду звать. А вот продолжение той истории с моим сотрапезником-немцем послушай. Может это коснётся и тебя, Колян. Мы с тем немцем жили в собачьей конуре рядом со свалкой. Вместе и мороз был не страшен! Немчура привык ко мне. Я ведь никого не обижаю зазря, а тем более

вас наивных пришлых никогда не обижу, более того — буду всегда помогать попавшим в беду. Так пролетело два годочка. Тут объявились журналюги, чтобы для своей же выгоды написать о нас бомжах со свалки. Ты спросишь почему для выгоды? Им эксклюзив подавай! А тему эту как начали развивать, так и богатые стали рядиться бомжами, чтобы денежки свои куда-то потратить, а то завалены с ног до головы этими денюжками. Стали коммерцию в этом плане продвигать, чтобы к свалочкам своих смотрящих пристроить. Но моему напарнику от этой акции вышла только прибыль. Стали журналюги его везде показывать, на разных передачах. Так его родственники и увидели по ящику, сразу стали названивать во все инстанции, чтобы забрать немчуру на родину. А он оказался каким-то профессором, да с большими деньгами и немерянными недвижимостями. Конечно, звал он меня с собой, но я — русский человек и хочу жить у себя на родине, пусть и на помойке, но как человек!

А что ты всё молчишь, Колян? Давай что-нибудь и о себе! Тебе лет-то сколько?

— Я не помню. Мне что-то тяжело разговаривать, можно я ещё посплю?

— Ты не спи! Я разговоры с тобой разговариваю для того, чтобы ты не заснул! Вот хлебни из склянки, это для сугрева. Потом

корочкой зажуёшь. У меня всё для тебя припасено, супчику сварганю на керосинке.

Незнакомец, которого Белый стал называть Коляном, не сопротивлялся и послушно выпил содержимое из небольшой стеклянной баночки, потом принялся за закуску, состоящую из бутерброда: хлеба с консервами (килькой в томатном соусе). В это время Белый занимался приготовлением нехитрого супа, он растворил на воде в железной миске плавленый сырок с запахом лука. Заставил похлевать Коляна, который явно не привык к таким разносолам, ел через силу.

После принятия не только пищи, Белый продолжил беседу с Коляном.

Путешественник во времени

— А теперь, дружок, послушай свою историю и постарайся вспомнить всё! Ты находишься в Москве, сегодня 5 января 1991 года. А тебя я нашёл вчера вечером на площади Маяковского под зелёной машиной в голом виде и без сознания. Может тебя тоже ограбили бандиты и раздели догола? Ты сейчас одет в мои шмотки, иначе бы давно окочурился, замёрз бы насмерть. Ты не думай, что бездомные тупые и никчёмные люди. Среди нас много и с образованием, и профессоров, и бывших военных. Так случилось в жизни: от

сумы и от тюрьмы не зарекайся! Мы в курсе, что происходит в мире, хотя теликов не имеем. Знаем о том какой год, месяц и число, хотя календарей у нас тоже нет. Так какие у тебя будут соображения?

— Ни каких.

— Ты мне не веришь? Не хочешь открыться?

— Я просто ничего не помню.

— Бывает и так. По башке стукнут и случится потеря памяти. Но на голове у тебя я никаких вмятин или кровоподтёков не нашёл. Тебя может чем опоили? Ведь на руках и на ногах нет следов от уколов.

— А ты медиком работал раньше?

— Да кем я только не работал! Сейчас сказ не обо мне. С тобой бы разобраться! Я ведь к чему веду, я ниточку хочу отыскать, чтобы тебе помочь на родину вернуться. Может журналиги опять пожалуют, акцию какую-нибудь сделают и тебя найдут твои сородичи. Но самое-то интересное, что может ты сам не хочешь, чтобы тебя кто-нибудь нашёл! Я не против, будем вместе бомжевать, пропитание воровать или от бандюг отбиваться. Ведь они нашего брата тоже в оборот взяли: нищих ставят на улицу, рядом с метро или в подземных переходах, чтобы они милостыню просили для братвы, которые крышуют убогих. Сейчас мы в этом подвале обитаем, а как начнётся облава милицейская, так нас сначала в каталажку засунут,

а потом увезут за город, где свалка находится. А там свои законники, которые будут нас за горло держать, чтобы мы им прислуживали, могут и на дело послать. Это, чтобы мы шестёрками у них поработали, денежку в клювике им таскали. У нас тут такое дело, не забалуешь, ухо надо держать остро и иметь кулак железный. Ты готов к этому?

— Мне бы куда-нибудь в село пристроиться, может избушка какая-нибудь найдётся?

— Избушка-то найдётся, но жрать там нету ничего. Разорены до основания наши бывшие колхозы-совхозы. Избушек там много, так как все оттуда в город подались. Там даже электричество не подведено, хотя топить есть чем, у нас леса много и нет за ним присмотра. Но там и дорог нет, всё снегом сейчас завалено, а по весне развезёт так, что по уши в слякоти застрянешь. Конечно, могут там быть жильцы. Так они или из бывших зэков или бежавшие из мест заключения. Без оружия там не прожить. Вот если мы с тобой туда ломанёмся, то ружьишком и калашником нужно обзавестись, да этой кильки в томате побольше прихватить. А потом с ружьишком и на охоту за зайцем или кабаном можно идти. Давай обмозгуем эти идеи.

— А что такое калашник?

— Ах ведь ты не из наших, но у себя-то слышал небось про автомат Калашникова? Весь мир им обвешался. Где только не стреляют из

него-в Америке, Африке, Азии. Ты о таком не слышал?

— Нет, никогда.

— Так ты с неба что ли свалился?

— Где я жил, никто не стрелял из калашника.

— А вот это очень странно. Так и где же ты жил?

— Жил я во многих странах, в Америке тоже. Ты по английски говоришь?

— Не обучался, не балакаю. Я вот к тебе приглядываюсь и знаешь, мне кажется, что я где-то видел тебя. Может по телику, может ещё где-то. Лицо у тебя очень запоминающееся. Так откуда ты родом?

— Из прошлого века. Я перемахнул через столетие, я-путешественник во времени.

— Вот так номер, чтоб я помер!

Гений из прошлого

Зовут меня Никола Тесла, родился я в семье священника в Сербии в городке Смилян 9 июля 1856 г. В семье я был четвертым ребёнком. Ещё в раннем детстве на меня очень большое влияние оказала трагедия, произошедшая в семье-погиб мой старший брат, упав с лошади. В моей голове что-то переключилось, я стал по-другому понимать окружающий мир и его составляющие.

До восьми лет я отличался слабым и нерешительным характером. Мне не хватало ни храбрости, ни сил для твердых решений. Мои чувства накатывались на меня как волны и всегда доходили до крайностей. Мои желания проявлялись с расточительной силой и множились подобно головам гидры. Меня угнетали мысли о страданиях жизни, смерти и религиозный страх. Мною управляли суеверия, и я жил в постоянной боязни злых духов, привидений, великанов-людоедов и других чудовищ темного мира. Затем совершенно внезапно произошло потрясающее изменение, которое направило течение всей моей жизни по другому руслу.

Больше всего я любил книги. У моего отца была большая библиотека, и всякий раз, когда мне удавалось, я старался удовлетворить свою страсть к чтению. Он не разрешал мне этого и приходил в ярость, когда заставал меня на месте преступления. Он спрятал свечи, когда обнаружил, что читаю тайком. Он не хотел, чтобы я испортил себе зрение. Но я раздобыл свечное сало, сделал фитиль, отлил свечки в оловянные формы, и каждую ночь, плотно закрыв окна и двери, читал, часто до рассвета, когда все еще спали, а моя мать начинала свою трудную ежедневную работу.

Однажды я случайно наткнулся на сербский перевод романа «Сын Абы», автором которого был

Джосика, известный венгерский писатель. Это произведение каким-то образом разбудило мои дремлющие волевые качества, и я стал учиться самоконтролю. Сначала мои решения таяли, как снег в апреле, но через некоторое время я преодолел свою слабость и испытал удовольствие, какого никогда раньше не знал, — делать то, что хочется. С течением времени это волевое умственное упражнение стало второй натурой. Сначала мне приходилось бороться со своими желаниями, но постепенно желание стало совпадать с волевым устремлением. После нескольких лет тренировок я добился такой полной власти над собой, что играючи справлялся со страстями, которые и для самых сильных людей означали гибель.

Кстати, я понимал почти всё, что ты мне говорил по-русски. Ведь я хотел уехать работать в Россию, но получилось, что попал в Америку. Я продолжу свой рассказ на твоём родном языке.

Мне с детства была предназначена стезя священника. Эта перспектива, как чёрная туча, висела надо мной. Получив аттестат зрелости, я оказался на распутье. Должен ли я послушаться отца, проигнорировать полные любви пожелания матери или подчиниться судьбе? Эта мысль угнетала меня, и в будущее я смотрел со страхом. Я глубоко уважал своих родителей, поэтому решил

заниматься духовными науками. Именно тогда разразилась ужасная эпидемия холеры, которая выкосила десятую часть населения. Вопреки не допускавшим возражений приказам отца я помчался домой, и болезнь подкосила меня. Позже холера привела к водянке, проблемам с лёгкими и прочим заболеваниям. Девять месяцев в постели, почти без движения, казалось, истощили все мои жизненные силы, и врачи отказались от меня. Это был мучительный опыт не столько из-за физических страданий, сколько из-за моего огромного желания жить. Во время одного из приступов, когда все думали, что я умираю, в комнату стремительно вошёл мой отец, чтобы поддержать меня такими словами: «Ты поправишься». Как сейчас вижу его мертвенно-бледное лицо, когда он пытался ободрить меня тоном, противоречащим его заверениям. «Может быть, — ответил я — мне и удастся поправиться, если ты позволишь мне изучать инженерное дело». «Ты поступишь в лучшее учебное заведение в Европе», — ответил он торжественно, и я понял, что он это сделает. С моей души спал тяжкий груз. Но утешение могло прийти слишком поздно, если бы меня удивительным образом не вылечила одна старая женщина с помощью отвара из бобов. Средство от болезни было в полном смысле целебным, героическим,

если не отчаянным, но оно возымело действие. Ты возможно слышал про эффект плацебо? Но ты, может быть, думаешь, что это просто внушение самому себе? Отчасти так, но я тогда уже знал, что силой мысли можно вызвать даже землетрясение. Кстати, про эффект плацебо, исследовали его на собаках и выявили интересную вещь: собаки выздоравливали от данных им лекарств и просто от воды, которой заменяли лекарство. Чем объяснить? Те собаки, которые принимали лекарство делали мысленный посыл собакам, не принимающим медикаментозных средств. Поэтому здоровье улучшалось у тех и у других.

Теперь о землетрясениях. Теоретически допустимо, что тектоническое землетрясение происходит под воздействием мысли, поскольку масса непосредственно перед освобождением может находиться в состоянии наиболее неустойчивого равновесия. Разрывы мин и торпед, выстрелы вызывают проявление противодействующих сил на Земле, которые измеряются сотнями или даже тысячами тонн и дают о себе знать на всем земном шаре. Однако сила их воздействия в огромной степени увеличивается за счет резонанса. Земля есть сфера, обладающая несколько большей жесткостью, чем сталь, и совершающая одно колебание приблизительно за один час и сорок девять минут.

Если, что вполне возможно, сотрясения оказываются определенным образом синхронизированы, их объединенное действие сможет вызвать тектонические сдвиги в любой части Земли, и итальянское бедствие, возможно, является следствием взрывов во Франции. Вне всяких сомнений, человек может быть причиной подобных явлений на Земле, и, вероятно, недалеко то время, когда позитивную энергию мысли можно будет направить на достижение добрых и разумных целей.

Я полностью выздоровел, но мне предстояло служить в армии. Мои родные запретили даже думать об этом и спрятали меня в горах. Мой отец настоял, чтобы я провел год в оздоровительных физических упражнениях на свежем воздухе, и мне пришлось согласиться. Нагруженный охотничьим снаряжением и связкой книг, я бродил в горах, и это прикосновение к природе укрепило мое тело, а также и душу. У меня зарождалось множество идей, обычно почти нереальных. Видение было достаточно ясным, а знание принципов очень ограниченным. В одном из своих изобретений я предложил переправлять письма и посылки по морю в подводной трубе, помещая их в контейнеры сферической формы, достаточно прочные, чтобы выдержать давление воды. была точно рассчитана и спроектирована насосная установка для перегонки

воды по трубе, тщательно проработаны и все остальные вопросы. Лишь одну пустяковую деталь, якобы не имеющую большого значения, беспечно оставил без внимания. Я самонадеянно допускал произвольную скорость воды и, более того, находил удовольствие в ее увеличении, придя, таким образом, к изумительным эксплуатационным характеристикам, подкрепленным безошибочными расчетами. Однако последовавшие затем размышления по поводу гидравлического сопротивления воды заставили меня отказаться от того, чтобы сделать это изобретение общественным достоянием.

Когда я спустился с гор, я сразу приступил к осуществлению моей мечты, поступил учиться в высшее техническое училище на электротехническое отделение. Я решил сделать сюрприз своим родителям и в течение всего первого курса регулярно начинал работу в три часа ночи и трудился до одиннадцати вечера, включая воскресные и праздничные дни. Поскольку большинство моих однокурсников относились к учебе проще, я достаточно легко побил все рекорды: в течение года сдал девять экзаменов. Вооруженный лестными свидетельствами преподавателей, я поехал домой немного отдохнуть и ожидал триумфа, но был очень обижен, когда мой отец сжег все эти награды, заработанные тяжким

трудом. Это здорово ударило по моему честолюбию, но позже, после его смерти, я испытал боль, найдя связку писем от моих преподавателей, где они предостерегали отца, что его сын может погибнуть от переутомления.

С этого времени я посвятил себя главным образом физике, механике и математическим исследованиям и проводил всё свободное время в библиотеках. У меня была настоящая мания доводить до конца всё, что бы я ни начинал, и это часто доставляло мне трудности. Случилось так, что я начал читать труды Вольтера, когда, к своему ужасу, узнал, что существует около сотни больших, напечатанных мелким шрифтом томов, которые этот изверг написал, выпивая по семьдесят две чашки черного кофе в день. Я вынужден был дочитать это всё до конца, но когда отодвинул от себя последнюю книгу, очень обрадовался и сказал: «Никогда впредь!».

Именно тогда я впервые задумал создать летательный аппарат по новой технологии на основе моего изобретения, моей турбины.

После окончания учёбы я устроился преподавателем в гимназию, но эта работа мне была неинтересна.

В следующем году произошло внезапное изменение в моих взглядах на жизнь. Я понял, что родители слишком многим жертвуют ради меня, и

решил освободить их от этого бремени. В это время до Европейского континента докатилась волна американских телефонов, и намечалась телефонизация Будапешта, столицы Венгрии. Подвернулась идеальная возможность облегчить бремя родительских забот, тем более что во главе предприятия стоял друг нашей семьи. Именно здесь я перенес полное расстройство нервной системы. То, что довелось испытать во время этой болезни, превосходит всё, чему можно верить. Мое зрение и слух всегда были экстраординарными. Я мог отчетливо распознавать объекты на таком расстоянии, когда другие не видели и следа их. В детстве я несколько раз спасал от пожара дома наших соседей, так как слышал легкое потрескивание, не нарушавшее сон людей, и звал на помощь.

Когда мне было уже за сорок, и, занимаясь своими опытами в Колорадо, я мог явственно слышать раскаты грома на расстоянии 550 миль. Предел же слухового восприятия у моих молодых помощников — чуть больше 150 миль. Таким образом, мое ухо оказалось чувствительнее более чем в три раза, и всё же в то время я был, так сказать, глух, как пень, по сравнению с остротой моего слуха в период нервного напряжения. В Будапеште я мог слышать тиканье часов, находившихся через три комнаты от меня. Муха,

сидившаяся на стол в комнате, порождала в моем ухе глухой звук, напоминавший падение тяжелого тела. Экипаж, проезжавший на расстоянии нескольких миль, вызывал весьма ощутимую дрожь во всём моем теле. Свисток локомотива в двадцати или тридцати милях заставлял так сильно вибрировать стул или скамью, где я сидел, что боль была невыносимой. земля под моими ногами постоянно сотрясалась. Мне приходилось ставить кровать на резиновые подушки, чтобы хоть какое-то время отдохнуть. Рычащие шумы, близкие и далекие, часто производили эффект произнесенных слов, которые могли бы меня напугать, если бы я не умел раскладывать их на составные части. От солнечных лучей, периодически появлявшихся на моем пути, у меня так сильно стучало в голове, что я чувствовал себя оглушенным. Мне приходилось собирать всю силу воли, чтобы пройти под мостом или другой конструкцией, так как я испытывал убийственное давление на череп. В темное время я ощущал себя летучей мышью и мог обнаруживать объект на расстоянии двенадцать футов, чувствуя особую дрожь на лбу. Мой пульс колебался от нескольких до двухсот шестидесяти ударов, и все ткани тела были охвачены судорогами и дрожью, что оказалось труднее всего переносить. Знаменитый врач, ежедневно дававший мне большие дозы

бромиды калия, назвал мою болезнь единственной в своем роде и неизлечимой. Всё время сожалею, что в то время меня не наблюдали физиологи и психологи. Я отчаянно цеплялся за жизнь и совсем не надеялся на выздоровление. Можно ли было тогда поверить, что такая безнадежная физическая развалина когда-нибудь превратится в человека удивительной силы и стойкости, способного проработать тридцать восемь лет, почти не прерываясь ни на один день, и оставаться всё еще сильным и бодрым и душой и телом? Именно это случилось со мной. Сильное желание жить и продолжать работу, а также помощь преданного друга и сильного человека сотворили чудо. Ко мне вернулось здоровье, а с ним и сила мысли. Когда я снова пошел в атаку на проблему, почти сожалел, что борьба окончилась быстро — так много энергии оставалось в запасе. Когда же взялся за эту задачу, речь не шла об обычном решении, что свойственно людям. Для меня это был священный обет, вопрос жизни и смерти. Я знал, что погибну, если потерплю неудачу. Теперь знал, что битва выиграна. Решение было запрятано где-то в глубинах мозга, а я всё еще не мог вывести его наружу.

После моего выздоровления я занимался помимо работы в телефонной компании изготовлением двигателя, работающем на

переменном токе. Мысль о создании такого двигателя возникла ещё во время учёбы, но профессор технического училища меня раскритиковал и запретил мне об этом думать.

В феврале 1882 года я придумал, как можно было бы использовать в электродвигателе явление, позже получившее название вращающегося магнитного поля.

1883 году я создал модель асинхронного электродвигателя и продемонстрировал в мэрии его работу. Так я начал свою карьеру изобретателя.

Работал и в Париже, но там мне не хотели платить за мои нововведения. Я проникся мыслью уехать в Россию, которая всегда славилась изобретательством и обилием учёных политехнического направления. Но мне на этот момент сделали очень заманчивое предложение-работать в Америке с самим Томасом Эдиссоном. Я не стал отказываться, потому что он уже имел своё имя в мировой науке.

Каждое живое существо является механизмом, вовлеченным в круговорот Вселенной. Хотя на первый взгляд кажется, что на него воздействует лишь непосредственное окружение, в действительности сфера внешнего влияния простирается до бесконечности. Нет ни одного созвездия или туманности, ни одного светила или планеты во всех глубинах беспредельного

пространства, ни одного блуждающего странника звездного неба, который не осуществлял бы некоторого контроля над его судьбой — не в астрологическом, неопределенном и нереальном, смысле, а в строгом и точном значении физической науки.

Можно пойти дальше в этих рассуждениях. В целом мире нет ни одного творения, наделенного жизнью — от человека, покоряющего стихии, до простейшего существа, — которое не взаимодействовало бы с миром. Всякий раз, когда сила, пусть даже бесконечно малая, порождает действие, происходит нарушение космического равновесия, и это приводит к вселенскому движению.

Самым удивительным представляется то, что в юности болезнь трижды превращала мое тело в безнадежную развалину, и врачи отказывались от меня. Более того, из-за невежества и беспечности я попадал во всякого рода трудные, опасные ситуации и переделки, из которых выбирался почти чудом. Я много раз тонул, едва не был сварен заживо и лишь случайно избежал кремирования. Меня хоронили, теряли, замораживали. Я был на волосок от смерти, спасаясь от бешеных собак, кабанов и других диких животных, переболел ужасными болезнями, и на мою долю выпадали всяческие нелепые случайности. И если я сегодня

крепок и бодр, то это представляется чудом. Но когда я воскрешаю в памяти все эти эпизоды, знаю точно, сохранение моей жизни не было всецело случайным.

Спасительную роль, в сущности, играет устремленность изобретателя. Управляет ли он энергиями, совершенствует ли механизмы или работает над улучшением комфортности, он делает наше существование более безопасным. Любой изобретатель лучше, чем обычный человек, подготовлен к тому, чтобы защитить себя в случае опасности, потому что он наблюдателен и находчив. Если бы у меня не было других доказательств, что я, в некоторой степени обладаю такими качествами, то нашел бы их в своих личных опытах.

На ранних стадиях интеллектуального развития человек осознавал лишь малую часть макрокосма. Он ничего не знал о чудесах микроскопического мира, о составляющих его молекулах, об атомах, образующих молекулы, и о еще более малом мире электронов в атомах. Жизнь для него была синонимом добровольного движения и действия. Растение не говорило ему того, что оно говорит нам, — что оно живет и чувствует, борется за свое существование, что оно страдает и наслаждается. Мы не только установили, что это действительно так, но убедились, что даже материя,

которую называют неорганической и считают мертвой, отвечает на раздражения и доказывает несомненное присутствие в ней живого начала.

Таким образом, всё, что существует, органическое или неорганическое, движущееся или неподвижное, восприимчиво к внешним раздражениям. Нет разделяющей пропасти, нет разрыва в непрерывном процессе, нет никакого особенного жизненного принципа. Всей материей управляют одни законы, вся Вселенная — живая.

Для полного триумфа человеческого духа будет недоставать еще одного достижения. Необходимо найти способ передачи мысли и таким образом сделать возможным точное приведение всех форм человеческих усилий к общему эквиваленту. Эта задача имеет решение.

Результаты такого прогресса непредсказуемы. Они ознаменуют новую эпоху в истории человечества, и произойдет поразительная революция в нравственном, социальном и других аспектах, неисчислимы причины несчастий будут устранены, наша жизнь коренным образом изменится в лучшую сторону, и будет заложен иной прочный фундамент всему, что содействует миру.

6 июля 1884 года я прибыл в Нью-Йорк и устроился на работу в компанию Томаса Эдисона (Edison Machine Works) в качестве инженера по ремонту электродвигателей и генераторов

постоянного тока.

Эдисон довольно холодно воспринимал мои новые идеи и всё более открыто высказывал неодобрение по поводу моих изобретений. Весной 1885 года Эдисон пообещал мне 50 тыс. долларов, если получится конструктивно улучшить электрические машины постоянного тока, придуманные им самим. Я очень активно взялся за работу и вскоре представил 24 разновидности машины Эдисона, новый коммутатор и регулятор, значительно улучшающие эксплуатационные характеристики. Одобрив все усовершенствования, в ответ на вопрос о вознаграждении Эдисон отказал мне, заметив, что эмигрант пока плохо понимает американский юмор. Это было последней каплей в наших с ним взаимоотношениях, я сразу же уволился.

С осени 1886 года и до весны я вынужден был перебиваться на подсобных работах. Занимался рытьём канав, спал, где придётся, и ел, что найду. В этот период я подружился с находившимся в подобном же положении инженером Брауном, который смог уговорить нескольких своих знакомых оказать мне небольшую финансовую поддержку. В апреле 1887 года созданная на эти деньги «Тесла арк лайт компани» начала заниматься обустройством уличного освещения новыми дуговыми лампами. Вскоре

перспективность компании была доказана большими заказами из многих городов США. Эта работа была лишь средством к достижению заветной цели.

Так что видишь, мне не привыкать жить в бедности, всегда есть шанс выбраться из ямы, в которую тебя угораздило свалиться.

Но мы должны прервать наши разговоры, я слышу на улице какой-то шум и нам грозят неприятности.

Белый не обладал таким феноменальным слухом, но и он встрепнулся:

— Возможно, бандиты, но я склоняюсь к тому, что нас пришли выкуривать милиционеры. Они проводят рейды по зачистке подвалов. Нам не поздоровится от тех и от других. У всех пушки наготове, если и не убьют, то менты засадят в каталажку, потом выбросят за городом в районе свалки. Что можем придумать, чтобы отвлечь? Я знаю только один выход — вверх по шахте лифта, до чердака. Там или отсидимся или по крышам удерём.

— Но крыши покрыты льдом и снегом, сможем по ним убежать? Сколько этажей в доме?

— Дом старый, но наверху сделали пристройку после второй мировой войны. Так что теперь в нём восемь этажей. Но в доме полно ещё всяких организаций, может туда рванём?

— А нет ли и там полиции?

— У нас милиция. Да, не будем рисковать.

— А зачем они «чистят» подвалы?

— Зачищают от наркошей, от чеченских боевиков, которые могут здесь прятать оружие или взрывчатку. Зачищают и от праздно шатающихся пацанов, которые в подвалах устраивают дома терпимости, с малолетками развлекаются. Давай двигать по-быстрому! Потом придётся менять подвал, искать другое пристанище.

— А как мы по шахте лифта будем на крышу выбираться? Там же лифт циркулирует?

— Да не работает этот лифт уже месяц. Выберемся, не паникуй!

Так Белый думал, но он был не очень уверен, что его новый товарищ полон сил и здоровья.

Напоследок бомж обвёл взглядом своё последнее жилище и мысленно попрощался с принятом вечного странника. Хотя в этом подвале были высокие потолки, но массивные стены и обилие труб, поставляющих горячую воду и отопление создавали эффект тропической жары. На полу повсюду были разбросаны картонки, покрытые разноцветными рогожками и кучами бесхозного тряпья. В свою ночлежку бомж забирался через единственное подвальное окно, которое было старательно замаскировано со стороны улицы, которая называлась теперь

по-новому-Первая Тверская-Ямская. Советский писатель Максим Горький в новом времени превратился из революционного подвижника в пропагандиста адских идей и его имя было вычеркнуто из названий города и улиц.

Вдоль по улице развенчанного революционера Максима Горького

Тверская́ улица (с 1932 по 1990 — часть улицы Горького) — одна из крупнейших улиц Тверского района Центрального административного округа города Москвы. Идёт от Кремля (Моховая улица/Охотный Ряд) на северо-запад до Триумфальной площади (Маяковского), где переходит в 1-ю Тверскую-Ямскую улицу (в 1932–1990 годах 1-я Тверская-Ямская также была частью улицы Горького).

Улица возникла как дорога в Тверь, участок которой в черте Москвы, от Кремля до ворот Земляного города, исстари назывался Тверская улица.

В конце XIX — начале XX веков на Тверской появляются модные магазины, гостиницы, рестораны, трактиры, доходные дома — она все больше становится похожа на нарядную европейскую улицу. В 1876 году Тверскую начали